

Из русского ударения

(Лекция, прочитанная в школе «Муми-тролль» 17 февраля 2014 года)

А.А. Зализняк: Эта лекция была названа «Из русского ударения», и я уже получил некоторый недоуменный вопрос, почему такое странное название. На самом деле все легко объясняется.

Почему «из», а не просто «русское ударение»?

Совершенно ясно, что такую громадную тему, как русское ударение, пытаться как-то втиснуть в одно занятие было бы просто бессмысленно. Вам будет предложено несколько сюжетов, связанных с этой большой проблемой, которые могут быть для вас интересны. Поэтому «из». А что касается вопроса, можно ли говорить, что что-то бывает «из русского ударения», то, с моей точки зрения, можно, хотя и непривычно. Мы же говорим, что можно что-то рассказать из русской морфологии, из русского синтаксиса или из русской фонетики, и это не редкость. А ударение, на самом деле, находится в том же ряду. Разница лишь в том, что оно гораздо менее изучено и менее известно, оно в гораздо меньшей степени входит в состав изучаемого в школе.

В школе ведь никто специально ударением не занимается, такой темы практически нет. Существует фонетика, морфология и синтаксис, и как-то само собой предполагается, что языку присуще ударение, которое нет особой необходимости изучать каким-то научным способом. Но на самом деле это совсем не так. Русское ударение – чрезвычайно сложная система, намного более сложная, чем русская морфология. Остается удивляться, как люди вообще решают столь сложную задачу, как правильно ставить ударение в каждом русском слове, в каждой форме слова...

Так каким же образом мы, носители русского языка, справляемся с этой сложностью? На первый взгляд ответ состоит в том, что мы просто запомнили когда-то в своей жизни каждую форму каждого слова, которое мы знаем, сразу с готовым ударением. Если взять хороший словарь и посчитать все

словоформы, которые за ним стоят, получится что-то около 3 миллионов таких единиц, которые мы якобы помним с готовыми ударениями. Конечно, эта идея верна для самых частых слов, которые мы употребляем. Но довольно легко убедиться, что не для всех.

Существует довольно много слов, которые несомненно принадлежат русскому языку, но про которые значительная часть его носителей еще никогда не слышала. Это, во-первых, специальные слова, во-вторых, слова каких-то отдельных местностей, в-третьих, разного рода редкостные понятия и тому подобное. Но мы однако же с ними тоже как-то обходимся. Например, я могу вам сейчас какие-нибудь такие слова предложить, и необязательно даже иностранные... Скажем, такое народное слово *десятерник*, допустим. Не думаю, что кто-нибудь из вас когда-нибудь имел с этим словом дело. Однако же, если я вас спрошу, как будет два таких предмета, что вы скажете?

Из зала: *Десятерника...*

А.А. Зализняк: Смотрите-ка, ударение у вас сменилось: уже не *десятерник*, а *десятерника́*. Значит, вы уже знаете ударение в форме *десятерника́*, в слове, которое вы десять секунд назад впервые услышали. И таких примеров можно приводить сколько угодно.

Тем самым довод, что вы просто помните ударение каждого русского слова, отпадает. Ясно, что помимо чистой памяти, существуют какие-то закономерности и, вероятно, довольно многочисленные, и, возможно, довольно сложные. Они сидят в мозгу каждого носителя русского языка и позволяют работать с ударением, в частности, в той зоне, с которой человек еще никогда не соприкасался. Причем заметьте, в примере, который я вам приводил, ударение сменилось: было – на *-ник*, а в форме, которую вы построили, – на *-а*. И однако же вы все согласились, что этот *десятерник* (а это термин ткацкого производства, обозначающий некий особый вид холста) будет изменяться на *десятерника́*, *десятерником*, *десять десятерников* и так далее.

Этой иллюстрации достаточно, чтобы понять, что какие-то правила существуют. Другое дело, что про них ничего не написано в учебнике. И кое-что из этого я постараюсь вам рассказать.

Почему так сложно устроено русское ударение? Есть ведь языки, где нет никаких особых проблем. Скажем, французы вообще не знают, что такое проблема ударения. Мы, русские, говорим, что во французском языке ударение всегда на последнем слоге, а сами французы вообще это утверждение не понимают, потому что для них каждое слово существует в некотором своем естественном виде и всё. Это русский человек слышит там ударение на последнем слоге, а французам совершенно все равно, во французском учебнике нигде не говорится, что во французском языке ударение падает на последний слог. Для них нет этой проблемы. Слово автоматически имеет некоторое усиление в конце, и это не является предметом никакого специального рассмотрения.

Есть много языков, где ударение управляется достаточно простыми правилами: скажем, значительная часть языков мира имеет ударение всегда (или почти всегда) на последнем слоге. Как, например, турецкий или татарский. Значительная число языков имеет всегда ударение на первом слоге, как, например, чешский или латышский. Есть некоторые более изысканные случаи: польский язык почти всегда имеет ударение на предпоследнем слоге. Но во всех этих случаях, опять-таки, ударение для всего языка описывается одной фразой, и больше этим можно не заниматься.

Не так в русском языке. Тут масса проблем. Ударение может быть разным в разных формах слова: *голова́* – *го́лову* – *голо́в* – *головáми*. В длинном слове оно может стоять где-нибудь в самом конце – например, *перераспределёнó*. Русский человек без труда произносит длинную последовательность слогов, где ударение будет только в конце. Или наоборот: я очень люблю такое рекордное русское слово *вѣ́криссталлизова́вшиеся*. Совершенно правильное русское слово с начальным ударением. Можно посчитать, сколько в нем слогов и убедиться, что вы в состоянии это произнести. Разве что чуть-чуть язык иногда

споткнется. И, конечно, существует масса слов с банальным ударением посреди слова.

Каким же образом так получилось, что русский язык в этом отношении являет собой такую сложность?

Ответ оказывается вот каким. Дело в том, что, как вы уже знаете из всех прежних лекций, языки меняются. Всякий язык имеет свою историю, всякий аспект языка со временем в большей или меньшей степени изменяется. Изменяется, в частности, и система ударения. И может быть так, что одна система ударения на протяжении истории языка сменяется некоторой другой системой. Такие изменения произошли, например, в истории латыни. Процесс этот никогда не происходит быстро: он может растянуться, скажем, на тысячу лет или на еще больший срок. А иногда может идти и чуть побыстрее, скажем, лет триста. Но сроки всегда будут именно такого порядка.

И вот именно такой оказалась в этом отношении история русского языка: была некоторая достаточно стройная и последовательная древняя система, которую можно описать совсем быстро. Она существовала в русском языке примерно лет восемьсот назад. А наоборот, через какое-то количество веков – тут я не берусь судить, это могут быть и тысячелетия – русский язык должен прийти к другой системе ударения. И мы сейчас находимся на среднем участке этого пути. А все средние этапы смены одной системы на другую всегда представляют собой чрезвычайно сложную картину. Потому что происходит борьба старой системы, старых правил, с зарождающимися новыми правилами. И в массе случаев эти правила старой и новой систем приходят в конфликт друг с другом, который решается рано или поздно победой нового правила.

Но вопрос в том – рано или поздно. Может оказаться, например, что в системе глагола уже в значительной степени продвинулись новые правила, а в системе имени существительного они еще отстают, или наоборот. И вот уже получается картина, где единого правила нет.

Современное русское ударение описывается именно по такой схеме. Это система ударения переходного типа, между некоторой стройной системой,

которая была в древнерусском, и некоторой системой будущего, которую пока что мы, естественно, не знаем. Мы можем только, как лингвисты, предугадывать какие-то ее черты, потому что она будет еще нескоро. Сейчас русским языком пройдено, вероятно, не более трети или четверти пути. То есть мы еще довольно близки к старой системе, хотя уже очень многое в ней сломалось. И вот за счет того, что сломано в старой системе, и возникла та самая сложность ударения, которая наблюдается сейчас в русском языке.

Собственно говоря, я и собираюсь показать вам несколько маленьких звеньев, где происходит этот тип борьбы – между старыми правилами и новыми. И происходящая отсюда неполная последовательность, и, главное, неустойчивость.

Каждый из нас знает, что существует довольно слов, где можно услышать разное ударение. Люди могут спорить друг с другом, как надо сказать. Приведу сначала простой пример: *прóдал* или *продáл*? Тут нормативные источники признают примерно равное право на существование и того, и другого ударения. Существует масса других случаев, когда на разные ударения навешиваются гораздо более сильные, в том числе эмоциональные оценки. Например: *на́чал* и *начáл*. Одно из них является литературной нормой, а другое вызывает очень сильные эмоции по отношению к человеку, который скажет *начáл*.

Мне предстоит показать вам маленькие фрагменты русской языковой системы, касающиеся лишь какого-то класса слов, где происходит такая борьба, чтобы посмотреть, как она реализуется и что из этого реально получается для нашего с вами современного языка.

В качестве начальной точки для обычных русских слов нужно брать то состояние, которое было в древнерусском и которое описывается достаточно просто. А для слов не русского происхождения, а заимствованных первоначальной точкой можно считать ударение того языка, откуда оно заимствовано. У нас ведь очень много таких слов в русском языке, и тут как раз часто возникает проблема ударения. Как правильно: *э́кскурс*, допустим, или

экскурс? Кóнкурс или *конкúрс* и так далее. В словарях вы найдете десятки, если не сотни примеров такого рода.

Об этом полезно поговорить чуть больше, потому что существует такое упрощенное представление, что для всех таких слов правильное ударение – то, что было в языке, из которого слово взято. И что можно даже гордиться, если вы вдруг узнали, что там именно такое ударение, а всех остальных порицать за то, что они ударяют иначе.

Заранее скажу, что эта точка зрения не проходит. Неверно, что русский язык стремится сохранить ударение того языка, откуда слово заимствовано. Верно то, что когда слово впервые попадает в язык, оно, действительно, обычно попадает с тем же ударением, которое было в языке-источнике. Но очень часто русский язык довольно быстро ломает это и подгоняет слово под некоторые русские представления о том, как лучше. И ударение меняется.

Поэтому сначала я кое-что расскажу о заимствованных словах, где проще понять, что представляет собой начальная точка. Начальная точка есть ударение соответствующего языка-источника.

И вот обнаруживается, что, во-первых, в русском языке, действительно, существует довольно большое количество слов, где ударение совпадает с языком-источником, – это естественно. Так, заимствования из восточных языков обычно и сейчас выглядят так же, как они выглядели там, – с ударением на последнем слоге. Ограничусь для начала двусложными существительными мужского рода. Таких слов очень много: *алма́з, кефи́р* и так далее. Ударение в языках-источниках в большинстве случаев на последнем слоге, и оно там же уже и по-русски.

Однако важно то, что в ряде случаев точно так же выглядят слова, заимствованные совсем из других языков, скажем, таких, как немецкий или английский, где нормальное ударение – другое. И тем не менее по-русски они будут выглядеть так же, как восточные заимствования. Например, вы прекрасно понимаете, что в английском слове *football* ударение, конечно, на первом слоге. Но кому-нибудь из нас придет в голову сейчас называть *футбо́л футболом*?

Хотя русский язык прекрасно позволяет это произнести. Тем не менее, это, конечно, совершенно устойчиво будет *футбо́л*. Или какое-нибудь английское же слово *sportsman*. Как оно будет по-русски?

Из зала: *Спортсме́н*.

А.А. Зализняк: *Спортсме́н* – ударение сменилось! Или какое-нибудь немецкое слово *Múndstück*. Что это такое по-русски?

Из зала: *Мундишту́к*.

А.А. Зализняк: Да. И как от него будет родительный падеж?

Из зала: *Мундиштукá!*

А.А. Зализняк: Ну вот, смотрите, совершенно всё не так, как в немецком языке. И такого рода смену ударения вы находите в десятках, если не сотнях случаев. Оказывается, что русский язык имеет собственные внутренние механизмы того, как лучше всего акцентуировать слово такой структуры. А именно, двусложные существительные мужского рода (с трехсложными будет немножко другая проблема) нормально тяготеют к тому, чтобы иметь ударение на втором слоге независимо от того, как это было в языке-источнике.

Тут опять-таки возможна ситуация, о которой мы уже говорили. Часто находится такой «знаток», который, допустим, познакомился немножко с английским языком и открыл для себя, что мы «неправильно» говорим *Шекспи́р*, а что на самом деле он был *Ше́йкспир*. И он может начать проповедовать окружающим, что, дескать, перестаньте говорить неправильно, а говорите правильно: *Ше́йкспир*! Ну, вы сами понимаете, что успеха он иметь не будет. По-русски *Шекспи́р* уже стало словом русского языка, несколько не меньше принадлежащим к фонду русской лексики, чем какие-нибудь нарицательные, как тот же *футбол* или *спортсмен*. Ударение сменилось.

При этом оказывается, что правило, которое я вам предложил, – что в русском языке двусложные заимствованные существительные будут иметь ударение на последнем слоге, – не абсолютно. Если поискать, обнаруживается некоторое количество слов, которые ведут себя иначе.

Иногда бывало даже так, что какие-то слова меняли ударение, так сказать, на глазах наблюдателей, за последние примерно двести лет. И не всегда это была смена в сторону того простого правила, которое я вам предложил в качестве первого. Есть некоторое количество случаев, когда произошло обратное изменение. Первоначально слово уже имело ударение, типичное для русского языка, а его сменило не самое типичное. Скажем, было устойчивое *симвóл*. Было устойчивое *принци́п*. *Принци́п* встречается еще у писателей второй половины XIX в. И вот ударение сменилось на *символ* и *принцип*.

И *символ*, и *принцип* имеют ударение, устроенное не по предложенному выше правилу, а иначе. Больше того, если внимательно посмотреть по словарю заимствованные двусложные существительные мужского рода, то среди них окажется довольно много как раз с ударением на первом слоге, вопреки общему правилу.

Пример из числа совсем недавних изменений: еще в словарях первой половины XX в. фиксировалось ударение *паспóрт*. Вам это кажется странным, сейчас не может быть такого. Тем не менее, и в стихах того времени, и в записях с ударением, и в словарях зафиксировано такое ударение. А ударение *пáспорт* победило буквально за последние лет семьдесят.

Еще пример: не очень старые словари, тоже начала или середины XX в. фиксируют ударение *конкúрс*. Это ударение очень легко объясняется, поскольку слово заимствовано из французского, где оно действительно звучит *concours* с ударением для русского уха на последнем слоге. Заметьте, с *кóнкурсом* это произошло окончательно; *конкúрс* вас уже удивляет.

А вот слово *экскурс* находится в том самом колеблющемся состоянии, которое слово *кóнкурс* уже прошло. Оно некоторое время поколебалось, и ударение *конкúрс* полностью победило. Настолько, что, как я вижу, вы с трудом верите, что существовало *конкúрс*. А *экскурс* на наших глазах переходит к новому ударению: *экскурс*, но оно еще не победило.

И наконец, еще один очень похожий пример, где новое ударение не только не победило, но и свирепо осуждается словарями. Это слово *эксперт*.

Вы часто слышите его с ударением *эксперт*, которое имеет в нормативных словарях пометы «неправильно», «не следует». Тем не менее, совершенно ясно, что с ним происходит ровно то же самое, что с *конкурсом* и *экскурсом*, только оно еще на одну фазу отстало в этом движении. *Кóнкурс* прошел уже весь путь, *экскурс* – на полпути, а *эксперт* еще только пытается свои права завоевать.

Во всех этих случаях, заметьте, имеет место движение, обратное тому, о котором я сказал вначале, – движение к тому, чтобы двусложное слово получило ударение на первом слоге. А вот попытка понять, почему в русском языке тенденция именно такова, приводит к выводу, что главной здесь является фонетическая форма конца слова.

Если конец слова воспринимается русским ухом, как что-то несколько похожее на суффикс (хотя как настоящий суффикс оно функционировать не может, смысла его мы не чувствуем; оно, так сказать, суффиксообразно по форме), то такое слово будет проявлять тенденцию иметь ударение на первом слоге, а не на втором. Например, если слово кончается на *-ис*, то все такие слова уже будут выглядеть, как *тэзис*, *фа́зис*, *ба́зис* и так далее. С таким ударением за счет того, что в этих словах как бы можно выделить элемент *-ис*.

То же самое происходит со словами, которые кончаются на *-ус*. Для тех, что заимствованы из латыни, это латинское окончание. В каком-нибудь слове *глобус* (латинское *globus*) *-ус* первоначально было окончанием, но для русского языка это не окончание, слово *глобус* уже не делится на части. Тем не менее это *-ус* создает эффект того, что на более техническом языке может быть названо субморфом. Это нечто внешне похожее на отдельную морфему, но не являющееся полноценным носителем смысла.

Точно так же устроено, например, слово *полюс*. И в любом слове на *-ус* это *-ус* будет безударным. Больше того! Это *-ус* за собой потянет еще и некоторые слова совсем уж не из этого ряда, а только немножко похожие. Вот слово *арбуз*. Хотя нормативные словари опять-таки это строго запрещают, и, действительно, звучит для нашего уха безобразно, тем не менее, бывает, что

арбу́з называют *áрбуз*. На рынке вы вполне можете это услышать. Это совершенно тот же самый эффект.

Таким образом, слова на *-ус*, *-ис*, *-ер* и на сочетания типа *-кс*, *-рт* (*кодекс*, *конкурс*, *экскурс*, *эксперт* и т.д.) ведут себя так, как если бы у них вторая часть была суффиксом и должна была быть безударной.

Вы видите, что в русском языке ударение образует очень сложную картину. Даже вот в этой маленькой части, которую я вам показал, действует не одно правило, а два.

Первое – для слов, которые не делятся на две части описанного типа и которым словари предписывают ударение на второй слог (*футбо́л*, *спортсме́н*). Заметьте, что слово *спортсмен* тоже делится на две части, но обе части в нем – смысловые, а не суффиксальные, и поэтому оно тоже попадает в основную группу. Точно так же, например, *бифи́текс*, хотя это слово и кончается на *-кс*. Но это *-кс* не выглядит как суффикс: вторая часть *-штекс* воспринимается как нечто отдельное и цельное, у нас есть ощущение, что это *-штекс* несет какую-то существенную часть смысла, хотя мы и не знаем, что это такое. Здесь, как видите, играют роль такого рода интуитивные ощущения. Однако в вопросе о том, что случится с ударением, как раз они могут быть решающими.

Второе правило – для слов с суффиксоподобными окончаниями, где ударение будет оттесняться на первый слог. Так, *та́нгенс*, *э́ллипс*, *би́цепс* и т.п. последовательно ведут себя в соответствии с этим правилом. Хотя по основному правилу должны были бы быть *тангéнсами* и *бицéпсами*.

А далее оказывается, что если мы возьмем трехсложные слова, то картина снова меняется. Вмешивается еще признак количества слогов. Для сходных по структуре слов, но удлинённых на один слог, действует основное правило для заимствованных слов, то есть правило о том, что ударение нормально должно быть на последнем слоге.

Есть такая сфера, в которой описанные правила работают удивительно чисто: это названия, в частности, германских, шведских, голландских городов и соответствующие фамилии. Часть из них двусложные, часть – трехсложные.

И вот, сравните: *Стр́асбург, Ма́рбург, Я́мбург*, но *Петербу́рг, Оренбу́рг, Вюртембе́рг. Го́тланд*, но *Таила́нд. При́нстон*, но *Ваши́нгто́н. Ло́тман*, но *Эйде́льма́н. Ка́рлсон, На́дсон*, но *Яко́бсо́н, Менде́льсо́н*. И все эти ударения вполне устойчивы.

Тут правда, уместно маленькое отступление про нынешних новых покорителей земного шара, которые говорят *Уо́шингтон*. Более того, считают, что именно так по-русски и надо говорить: *Уо́шингтон*. Это в точности та же проблема, что и с *Ше́йкспиром*. Можно ли считать, что *Уо́шингтон* – более правильная русская форма названия этого города?

Тут противостоят друг другу две тенденции, причем за обеими стоят, вообще говоря, солидные люди. Одну можно условно назвать руссконаправленной, а другую иностраннонаправленной. Руссконаправленная тенденция дает *Ваши́нгто́н* с русифицированным ударением и даже с русифицированными фонемами: с начальным [в], а не [у]. А иностраннонаправленная тенденция дает *Уо́шингтон*. При этой тенденции город *Падуя* будут называть словом *Па́дова*, город *Флоренция* – словом *Фире́нце* (или *Фире́нца*), поэта *Гейне* – словом *Хайне*, и так далее; примеров можно привести много.

За этими тенденциями стоят две совершенно разные группы людей. Иностраннонаправленная тенденция свойственна в основном активному новому поколению, которое ездит по всему земному шару, быстро знакомится с английским языком, иногда и с другими языками, с которыми раньше эти люди, конечно, не соприкасались. В большинстве своем они, честно говоря, имеют мало отношения к традиционной русской культуре и к хорошей русской традиции. И очень часто эти люди не представляют себе, что слово, которое они для себя с восхищением открыли, уже известно в русской традиции их предкам в течение целых веков.

Вот история, которая в этом отношении показательна. Некая дама, уже давно живущая за границей, рассказывает о себе, что она живет в *Ме́льбурне*, а ее московская собеседница немножко удивленно спрашивает: «Да... Вы так говорите? А мы говорим *Мельбу́рн*». На что дама отвечает необычайно

искренне и просто: «Да, видите ли, дело в том, что я до того, как туда попала, никогда о таком городе и не слыхивала! Поэтому я, конечно, говорю так, как там говорят!».

Это очень прототипическая ситуация, показывающая, откуда возникают эти *Мельбурн*, *Сидней*, которые сейчас можно услышать в большом количестве от людей, соприкоснувшихся с этими названиями впервые после того, как открылись границы.

Напротив, противоположная, руссконаправленная тенденция – это тенденция старой интеллигенции, литературных, театральных, искусствоведческих кругов и т. п. Это люди, более тесно связанные с исторической русской культурой, которые понимают, скажем, что Шекспир не ими впервые прочтен, а уже вообще-то достаточно известен в русской литературе именно под таким именованием.

Любопытным образом с иностраннонаправленной тенденцией оказываются связаны не только, например, бизнесмены, реализующие ее в чисто практических целях во время поездок и не более того, но и составители географических карт и энциклопедий. Казалось бы, они располагаются на прямо противоположном полюсе шкалы интересов, и, тем не менее, они с огромным удовлетворением ставят ударение в статье про изобретателя книгопечатания: *Гутенберг*.

Мне приходилось непосредственно иметь дело с носителями этой идеологии в одной очень изысканной аудитории твердо верующих, что они достигают тем самым научного ударения в отличие от господствующего кругом уличного ударения, когда безобразно говорят *Гутенбёрг*.

В действительности всё совершенно не так. Вы прекрасно понимаете, что если эту тенденция довести до конца, то есть до абсурда, то будет не *Рим*, а *Рома*, не *Париж*, а *Пари*, не *Цицерон*, а *Кикеро*. До этого, правда, еще ни один составитель энциклопедии не дошел. Но с рядом чуть менее знаменитых имен это все время случается. Например, столица Швеции, как мы понимаем, по-русски называется *Стокго́льм*. Но с точки зрения этой концепции, правильное,

«научное» название, будет, во-первых, с другим ударением – *Стóкгольм*, – а, во-вторых, еще лучше – *Стóкхольм* или даже *Стóкхолм*.

В действительности же это означает разрыв русской культурной традиции. Потому что кто будет говорить *Стóкхолм*? Да тот самый человек, который впервые узнал об этом городе, оказавшись в нем. Судьба его туда занесла, он там живет и говорит *Стóкхолм*, как все вокруг. Потому что он никак не соприкоснулся с той частью русской культуры, которая с этим *Стокго́льмом* уже многие века имеет культурную связь. И предлагать такое в энциклопедии – значит приглашать людей, причастных к русской культурной традиции, перейти на позицию невежд, которые никогда этого ничего не слышали.

Ну, я немножко увлекся несколько посторонним сюжетом – просто это уж очень живая тема.

Теперь резюмирую этот первый фрагмент, касающийся иностранных слов.

Слова иностранного происхождения, попадая в русский язык, нормально русифицируются в отношении ударения, подчиняясь некоторой группе правил, из которых я привел только три: касающиеся слов типа *футбо́л*, типа *па́спорт* и типа *Гутенбе́рг*. В действительности, чтобы покрыть всю совокупность иностранных слов, таких правил надо знать гораздо больше. Так есть группа правил, касающихся слов женского рода, есть правила, касающиеся относительно длинных слов, и т. д. Я попытался вам показать, как примерно выглядят те частные события с ударением, которые происходят в этой области.

Теперь перейду к более трудному: к собственно русским словам.

Стартовая позиция тут должна быть описана более сложным способом. Я должен вам что-то сказать о том, как была устроена та красивая, та похвально устроенная древнерусская система, от которой мы будем отсчитывать, грубо говоря, разные виды порчи, приведшие к современному состоянию.

Основные принципы того, как строилось ударение в древнерусском языке (и вообще в славянских языках) были открыты совсем недавно, всего лишь

несколько десятилетий назад. Это открытие связано с тремя крупными именами: норвежского слависта Христиана Станга, замечательного, великого, увы, покойного нашего соотечественника Владислава Марковича Иллич-Свитыча и ныне здравствующего Владимира Антоновича Дыбо.

Основная идея, которая позволила действительно понять простую схематику ударения в русском языке 800-1000-летней давности, состоит в том, что каждая морфема русского языка той стадии (напомню, морфема это общее понятие для корня, суффикса, окончания и приставки) каждая морфема имела некоторое постоянное акцентное свойство, т.е. принадлежала к одной из двух (с подразделением – трех) акцентных категорий.

Две крупные категории – это, так сказать, сильные морфемы и слабые морфемы. Сильные и слабые в смысле ударения. В самом общем смысле, очень неточном, но зато психологически понятном, сильные морфемы притягивали к себе ударение, а слабые морфемы, наоборот, нормально должны были быть безударными. Далее, сильные морфемы еще подразделялись на две группы: морфемы, которые притягивали ударения прямо на себя, и морфемы, которые притягивали ударение на своего правого соседа. Первые могут быть названы самоударными, вторые – правоударными.

И вот, всё величайшее множество слов и словоформ русского языка в смысле ударения управлялось одним простым правилом, а именно: ударение привязано к первой, т.е. к самой левой сильной морфеме. Если она самоударная, то ударение падало прямо на нее, если правоударная, то ударение в нормальном случае падало на следующий слог. Если же в словоформе ни одной сильной морфемы нет, то ударение падало на первый слог. Вот и всё правило.

Конечно, из этого следует, что должен был, вообще говоря, существовать некоторый список, где про каждую морфему указано, какая из них сильная, какая слабая. На самом деле это просто постоянное свойство морфемы, по своему статусу такое же, как фонемный состав морфемы.

Примеры: Морфема *снег* (или морфема *дом*) была минусовой, слабой. Морфема *стол* была сильной правоударной. Морфема *мак* была сильной самоударной.

Что же будет происходить, если начать эти морфемы вставлять в какие-нибудь словоформы?

Возьмем простейшее сочетание – предлог *на* плюс это слово: *на мак*, *на стол*, *на дом*. Тут надо, конечно, знать, какое акцентное свойство было у *на*. Так вот: все предлоги имели минусовое свойство, или минусовую маркировку, как говорят на более техническом языке. Так что, следовательно, сочетание *на* плюс *мак* давало – +. Так какое было ударение? Как Вы слышите? *На ма́к*, совершенно верно. Со следующим словом *стол* – такая же комбинация. Значит, где ударение?

Из зала: *На сто́л.*

А. А. Зализняк: *На сто́л*, и до сих пор тут именно такое ударение. И, наконец, последний случай *на* плюс *дом*...

Из зала: *На́ дом!*

А.А. Зализняк: *На́ дом*, два минуса, ударение падает на первый слог. Теперь другой пример. Эти же слова давайте попробуем – теперь присоединим к ним справа морфему *-ов-* (прилагательное на *-овый*) и морфему *-ый*. Надо, опять-таки, знать, какие акцентные свойства у этого *-ов-* и у этого *-ый*. Ответ такой: *-ов-* – это минус, а *-ый* – это плюс. Давайте тогда посмотрим, как строится словоформа *мак-ов-ый*?

Из зала: *Ма́ковый.*

А.А. Зализняк: Правильно, *ма́ковый*, совершенно верно. Тут два плюса: плюс на *мак-* и плюс на *-ый*, но ударение на первом плюсе – *ма́ковый*. Следующее: *стол-ов-ый*. Где ударение?

Из зала: *Столо́вый.*

А.А. Зализняк: Почему?

Из зала: Потому что *стол-* правоударный.

А.А. Зализняк: Да, потому что *стол*- правоударный. И последнее: *домов-ый*...

Из зала: *Домóвый!* *Домовóй!*

А.А.Зализняк: Так *домóвый* или *домовóй*? Я слышу оба ответа. Я вас спрашиваю, что будет по схематике ударения, а некоторые из вас отвечают, как вы сейчас это слово знаете.

Заметьте, что сейчас есть оба слова. Есть слово *домовóй*, есть слово *домóвый*. У них разное значение: *домовóй* – это такое существительное, уже практически исчезнувшее, а *домóвый* – например, бывает *домóвая книга*. Так вот про них вы как раз прекрасно можете ответить мне на вопрос, какое из этих двух ударений старое, а какое новое.

Из зала: *Домовóй* – старое!.. *Домóвый* – новое.

А.А. Зализняк: Правильно, *домóвый* – новое. В древнерусском языке не было ударения *домóвый*, оно возникло в ходе той самой порчи языка, о которой я все время вам говорю. Ударение изменилось, и стала *домóвая книга*, а если бы домоуправления существовали в XII веке, то она была бы *домовáя*.

Вот такая схематика, которую я вам объяснил за несколько минут, покрывала всю совокупность ударений древнерусского языка. От нее, повторяю, довольно много осталось в современном языке. Хотя бы наш пример: есть *домовóй*, есть и *домóвый*. Если подсчитать по некоторой показательной совокупности текстов, то примерно 80% точек ударения совпадут с древностью, и 20% окажутся новыми. Нечто похожее мы видим и в тех примерах, которые я привел.

Вот в двух словах устройство ударения в древнерусском языке.

Необходимо еще одно маленькое замечание. В древнерусском были по сравнению с современным языком некоторые «лишние» гласные. А именно гласные, которые записывались в виде букв, которые мы сейчас называем «твердый знак» и «мягкий знак», а в древности назывались «ер» и «ерь». В древности они были гласными. Так что, например, *дом* был не односложной словоформой, а двусложной: *дом-ъ*, с окончанием «ер». Аналогично *пять голов*

– это древнее *пять голов-ь*: не два слога, а три. И эта гласная «ер» точно так же могла нести ударение, как и все остальные. Но поскольку ей потом в истории русского языка пришлось исчезнуть, то ударение должно было куда-то деться. И оно девалось всегда очень просто: оно уходило на слог влево. Поэтому, если раньше форма была *головъ́* (*пять головъ́*), то после того, как этот последний звук исчез, получилось *голóв*.

Я прямо сразу приведу вам пример, который нам вскоре понадобится: слово *десять*. Оно было существительным, т.е. тем, что сейчас *десятка* или *десяток*. Это нам важно. Поэтому *десять лошадей* – это была такая же конструкция, как если бы мы сейчас сказали *десятка лошадей* или *десяток лошадей*. Тем самым у слова *десять* были и формы множественного числа. В частности, была форма родительного падежа множественного числа, т.е. то, что сейчас по смыслу было бы *десятков*. Она была такова: минусовая морфема *десять* и окончание родительного падежа множественного числа *ь* – плюсовое. Значит, как выглядела форма родительного падежа множественного числа от слова *десять* после исчезновения «ера»? Маленькая задача.

Из зала: *Деся́т?*

А.А.: *Деся́т*, совершенно верно! Твердое *деся́т*. У слова *десять* родительный падеж множественного числа был *деся́т*. Я думаю, вы уже догадываетесь, куда ведет это *деся́т*... Вот мы сейчас этим и займемся.

Давайте я сейчас напишу вам последовательность хорошо знакомых слов: *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять*.

Пожалуйста, вам всем предлагается поклонять эти слова, поприбавлять к ним предлоги спереди и посмотреть, все ли эти слова совершенно одинаково себя ведут в отношении ударения, или же есть какие-нибудь различия. Маленькая задача.

Давайте попробуем с предлогом *на*. Как они себя ведут?

Из зала: *На́ пять, на́ шесть, на́ семь, на во́семь, на́ восемь, на де́вять, на де́сять...*

А.А. Зализняк: *На́ восемь* или *на во́семь*? Кто за *на́ восемь*?

(поднимается незначительное число рук)

А.А. Зализняк: Так, а кто за *на вóсемь*?

(рук существенно больше).

А.А. Зализняк: Вот это да! Вот это движение русского языка! Ну, значит, мы находимся перед лицом такого замечательного факта. Хорошо, то же самое: *на́ семь* или *на сёмь*?

Из зала: *На́ семь! На сёмь!*

А.А. Зализняк : Хорошо, *девять*?

Из зала: *На дёвять! На́ девять!*

А.А. Зализняк: Кто за *на́ девять*?

(рук мало)

А.А. Зализняк: *Десять.*

Из зала: *На́ десять! На дёсять.*

А.А. Зализняк: С *десятью* даже больше, чем с *девятью*... Замечательно! Вы сейчас дали мне очень большую информацию, буду теперь больше знать про то поколение, которое вы собой представляете. Ну, хорошо, на всякий случай я спрошу: *на́ пять* – можно?

Из зала: Можно... *На́ пять... На пя́ть...*

А.А. Зализняк: Кто предпочитает *на пя́ть*?

(много рук)

А.А. Зализняк: Спасибо, все ясно. Выясняется, что все эти переносы ударения в числительных, в одних случаях больше, в других случаях меньше, в вашем поколении исчезают. Вы с огромным преимуществом голосуете за формы без всяких переносов... Для вас естественно ничего не переносить.

Теперь маленький вопрос: какое из двух ударений: скажем, *на́ пять* и *на пя́ть* – старое, а какое новое?

Из зала: *На́ пять* – старое.

А.А. Зализняк: Все правильно, совершенно верно. И так, совершенно явно видно, что ваше поколение ушло далеко вперед от старой системы по сравнению с моим поколением.

Однако очень важно то, что оба ударения вы зафиксировали как мыслимые. Кто-то с одним соглашается, кто-то с другим, но оба они есть.

Теперь хочу проверить родительные падежи от всех числительных: *без...*

Из зала: *без пяти́, без шести́, без семи́, без восьми́, без девяти́, без десяти́.*

А.А. Зализняк: Разница есть?

Из зала: Нет...

А.А. Зализняк: Так, а творительный падеж от всех?

Из зала: *пятью́, шестью́, семью́, восемью́, девятью́, десятию́.*

А.А. Зализняк: Разница есть?

Из зала: Нет.

А.А.Зализняк: Разницы нет. Хорошо.

А теперь давайте возьмем числительные от *пятнадцати* до *девятнадцати*. Одинаково будет или не одинаково?

Из зала: *Пятна́дцать, шестна́дцать, семна́дцать, восемна́дцать, девятна́дцать.*

А.А. Зализняк: Одинаково?

Из зала: Да-а-а...

А.А. Зализняк: Хорошо. Наша проверка показывает совершенную акцентную одинаковость всего ряда. А в древности было не так.

Сейчас я расставлю знаки при каждом числительном: *пять* (–), *шесть* (–), *семь* (+), *восемь* (+), *девять* (–), *десять* (–).

И вот я сейчас напишу, а вы, если хотите, угадывайте, из какого это языка: *pêt, šêst, sédem, ósem, devêt, desêt.*

Из зала: Словенский? Прочтите!

А.А.: Ну, понимаете, я не могу вам воспроизвести настоящую музыкальную разницу... Знак \wedge означает нисходящее ударение, знак \acute – восходящее ударение. Русскому уху это мало что говорит.

Но вы видите, как в словенском языке разница надстрочных знаков соответствует древней маркировке? Там поведение ударения не унифициро-

валось, а сохранились старые отличия. Плюс сохранился в виде восходящего ударения, а минус в виде нисходящего ударения. То есть это не выдумка, эти плюсы и минусы – вот, имеется такое прямое свидетельство из другой части славянского мира.

А теперь я вам даю трудную задачу: найдите в русском языке элементы сохранения старого различия. Видите, в словенском языке оно сохранилось очень хорошо: здесь – одна интонация, здесь – другая. Четкая разница плюсов и минусов.

(поднимается рука)

Спасибо, что подняли руку, а не сразу крикнули.

Еще... уже две руки... Три руки – очень хорошо... Ну, пожалуйста.

Из зала: *Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят.*

А.А. Зализняк: Совершенно правильно! *Пять* – ведь это минус, верно? А *десять* это минус на самом *десять* и плюс на твердом знаке в конце. Тем самым, это единственный плюс во всем слове *пятьдесят*. *Пять* – минус, *десять* – минус. И только «ер» имел плюс. Где ударение?

Из зала: *Пятьдесят.*

А.А. Зализняк: *Пятьдесят.*

Теперь *семьдесят*. *Семь* – плюс, *десять* – минус, «ер» – плюс. Ударение на первом плюсе.

Таким образом, *семьдесят* и *восемьдесят* сохранили старое различие в этом ряду.

А *семнадцать* и *восемнадцать* это старое различие, увы, потеряли; было *сёмнадцать* и *восьмнадцать*, но уже в XVII в. это изменилось.

И заметьте, только русский язык сохранил *семьдесят* и *восемьдесят*. Даже по-украински уже будет *семьдесят* и *восемьдесят*, безо всякого различия внутри ряда. И во всех остальных славянских языках: болгарском, сербском, словенском – этот ряд десятков унифицируется. Из них из всех только русский сохранил это различие.

Ну вот, я вам привел иллюстрацию того, что происходило со старой системой. По старой системе минусы и плюсы должны были давать разницу. Во-первых, должно было быть так: *на пять, на шесть*, но *на семь* и *на восемь*. Только так. И снова *на девять* и *на десять*. Точно то же самое с любым другим предлогом. И точно так же должно было быть со словами *пятнадцать, шестнадцать*, но *семнадцать, восемнадцать*, затем *девятнадцать*. И точно так же, наконец, должно было быть *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* – здесь вам кажется все очень естественным, правда? Как же иначе, когда мы так и говорим! И тем не менее это ровно тот остаток, это след той самой борьбы правил, которую я вам хочу продемонстрировать.

Что случилось? Система непоследовательна. По-русски уже *семнадцать, восемнадцать* ведут себя не так, как *семьдесят, восемьдесят*. *Семьдесят* и *восемьдесят* сохранили старое отличие от всего ряда, а *семнадцать* и *восемнадцать* не сохранили. Начнете описывать русский язык – не получится у вас никакого последовательного правила! Почему? Потому что тут, действительно, есть очевидная, вопиющая непоследовательность: в одной части системы победило новое правило (*семнадцать, восемнадцать*); а в другой – не победило (*семьдесят, восемьдесят*).

Поэтому пытаться для современного русского языка найти такое красивое правило, которое одним ударом вам ответит на всё, – бессмысленно. Тут будет два правила. В одном случае срабатывает одно, а в другом – другое. В этом и заключается та самая сложность комбинированных систем, когда язык находится в промежуточном состоянии между господством древнего правила и господством нового правила.

А что, собственно, здесь происходило, в чем новые правила? А новое правило состоит в том, чтобы весь ряд был одинаков. Чтобы, попросту говоря, *семь* и *восемь* уподобились своим соседям *пять, шесть, девять* и *десять*.

Это точно такое же уподобление, которое может случиться не только в отношении ударения, но и в фонемном составе слова. Скажем, *девять*, судя по другим индоевропейским языкам, в славянском первоначально было не *девять*,

а *невя́ть*, а *д* оно приобрело в силу уподобления своему соседу *десять*. Вспомните, как будет *девять* во всех других языках, которые вы знаете: *neuf*, *neun*, *nine*. Это слово начинается с *н*. Точно так же первоначально было и в славянском.

И такое же уподобление произошло в ряду числительных в отношении ударения. Это уподобление является как бы прототипом всего того, что в таких случаях и происходит; а именно, старое распределение из-за того, что бывали одни морфемы плюсовые, другие минусовые, давало то, что в одной и той же категории встречаются разные ударения. С одной стороны, *ма́ковый*, с другой стороны, *столо́вый*, с третьей стороны, *домово́й*, *снеговóй* и т.п. А новая тенденция состоит в том, что если уж есть прилагательные, например, с суффиксом *-ив-ый*, который раньше давал акцентное разнообразие, то теперь это разнообразие утрачено. Раньше было, например, *незло́бивый*, сейчас *незлюбíвый*. Раньше было *пра́вдивый*, а сейчас нам это кажется совершенно диким, не правда ли? Сейчас только *правди́вый*! Почему? Потому что весь ряд стал на *-íвый*. Весь!

Но всё же не весь. Можете найти исключение?

Из зала: *Юро́дивый*.

А.А. Зализняк: *Юро́дивый*, и еще какой?

Из зала: *Ми́лостивый*.

А.А. Зализняк: И *ми́лостивый*! Два слова... В точности такая же история, что с *семьдесят* и *восемьдесят*! Понимаете? Это ровно та же картина! Вообще говоря, все движется к тому, чтобы появилось единство по новому правилу. Как единство ряда у числительных, так и единство у прилагательных на *-ивый*. Но что-то может остаться. Потому что мы еще не прошли свой тысячелетний или многотысячелетний путь, который окончательно приведет нас к *мило́стивый* и *юроди́вый*. А *юроди́вый* уже встречается. Словари даже уже предупреждают: *юроди́вый* – неправильно. Но оно появляется – от стремления языка продвинуться еще на один шаг к тому новому правилу, по которому все слова на *-ивый* будут иметь единое ударение *-íвый*.

Хорошо, а теперь давайте посмотрим первый слайд.

Невозмо- жно	Допусти- мо устар.	Норма	Допусти- мо	Не реко- мендуется	Непра- вильно	Грубо неправ.
го́ворил		говори́л				
по́мянул		помяну́л				
со́брал		собра́л				
	при́дал	прида́л				
		про́пил и пропил				
		про́дал	прода́л			
		при́был		прибы́л		
		у́был			убы́л	
		на́чал				нача́л

Вот такая табличка, где сверху написаны слова из нормативного словаря. Это «Орфоэпический словарь русского языка»; я вам его очень рекомендую. Сейчас есть несколько орфоэпических словарей, я вам рекомендую тот, который под редакцией Рубена Ивановича Аванесова, и где интересующая нас часть принадлежит Наталье Александровне Еськовой, нашей совершенно замечательной современнице, специалисту по всем тем тонким вещам из русского языка, которыми мы с вами занимаемся.

Наталья Александровна разработала шкалу ярлыков, которыми снабжаются различные слова в смысле того, как они относятся к современной норме. В центральной части – это норма, а, кроме того, некоторые слова и словоформы имеют помету «допустимо устаревшее» (или «устаревающее»).

Ближе всего к норме стоит категория, обозначенная пометой «допустимо».

Следующая ослабленная форма – «не рекомендуется». «Не рекомендуется» это практически означает следующее: «Так говорят, но лучше бы не надо». Такое вот замечательное «не рекомендуется»: практически все, что у Еськовой имеет эту помету, следует учитывать как реальный факт современного языка.

Следующее – это уже будет «неправильно» и, наконец, ужасающее «грубо неправильно».

Вот такая схема стилистических помет, которой снабжено огромное количество слов в этом словаре, и если вам интересно, хорошо ли вы произносите, и как оценивается ваше собственное ударение или произношение, – загляните в этот словарь. Кое-что, возможно, вам польстит, а кое-что вас огорчит. Правда, в таких случаях вы, конечно, можете со своим молодежным задором сказать: «Это так у них было, а мы уже так говорим!». И, может быть, в каком-то смысле вы частично будете правы, но не всегда.

Итак, посмотрим, что здесь происходило.

Для иллюстрации я выбрал фрагмент с глаголами в прошедшем времени, где корень минусовый. Зачем надо брать корень минусовый? Затем, что тогда будет полная игра разных ударений с переходом на приставку, переходом на предлог и т.д., поскольку для этого всего нужно, чтобы корень был минусовым.

Во всех приведенных примерах (глаголы *помянуть, говорить, дать, пить, быть, начать*) корень минусовый. Глагольные приставки (кроме *вы-*) ведут себя совершенно так же, как предлоги, т.е. всегда имеют минус. Окончания прошедшего времени (кроме единств. числа женского рода) тоже минусовые.

Здесь вы видите два цвета: зеленый – это старое ударение, и красный – это новое ударение. Перед вами картина борьбы старого ударения с новым.

Возьмем пример: как было прошедшее время от слова *говорить*?

Из зала: *Гóворил.*

А.А. Зализняк: Очень правильно! Почему? Потому что *гóвор* – минус, *и* – минус, *л* – минус. Три минуса.

А как, кстати, было бы *он проговорил*?

Из зала: *Он прóговорил.*

А.А. Зализняк: Верно, *прóговорил*. А как было в древности *он не проговорил*?

Из зала: *Нé проговорил.*

А.А. Зализняк: *Не проговорил.* А как было в древности *и не проговорил?*

Из зала: *И не проговорил.*

А.А. Зализняк: Ну, смотрите, как вы замечательно реагируете. Правильно, совершенно правильно! Такое ударение было не только в *проговорил*, действительно, есть *заговорил*, *приговорил*, *отговорил* и т.д.

Из зала: *Недоговорил.*

А.А. Зализняк: И *недоговорил*, безусловно. Конечно, было *недоговорил*.

Из зала: А что-то от этого осталось?

А.А. Зализняк: Ничего от этого не осталось. В современном языке это всё уйдет в столбец невозможного. Есть глагол *помянуть*, но сейчас никакого *помянул* быть не может, только *помяну́л*.

Дальше идут примеры немножко ближе к тому, что вы можете допустить. Что получается, когда мы движемся сверху вниз? Сверху вниз – это демонстрация разных степеней продвижения борьбы старого с новым.

Первые две строчки – это полная победа нового. Верно? Следующая строчка – это чуть-чуть неполная победа нового: конечно, мы говорим *прида́л*, но как нам говорит словарь, форма *при́дал* и сейчас возможна в качестве допустимого устаревающего (допустимого устаревшего). «Пожалуйста, разрешите вашему дедушке говорить так!» — примерно такая идея у такой записи.

Следующий этап – *про́дал* и *пропи́л*, которые по классификации Еськовой имеют полное равноправие. Можно и *про́дал* и *прода́л*, *про́пил* и *пропи́л*. Тут никаких коннотаций, специальных окрасок нет.

А нет, я неправильно сказал: *про́пил* и *пропи́л* – это совершенно одинаково, а вот *прода́л* здесь все-таки идет в рубрике «допустимо». Но она очень мало отличается от нормы; по классификации Еськовой это чуть-чуть меньше соответствует современному нормативному идеалу. Но практически это очень похоже.

Следующая пара – *при́был* и *прибы́л*. Для *прибы́л* стоит «не рекомендуется». *При́был* – это нормальное ударение, а *прибы́л* говорят, конечно, что

вытекает из пометы «не рекомендуется», но словарь квалифицирует это как менее желательный вариант.

Следующее состояние – *убыл* и *убыл*. *Убыл* уже имеет помету «неправильно». Говорить *убыл* не следует.

И, наконец, совершенно ужасающая вещь – это *начал* и *начал*, где для *начал* стоит помета «грубо неправильно».

Что всё это значит? Во всех приведенных случаях новая форма стремится победить: здесь [указывает на верхние три строки таблицы] она достигла этого, здесь [идет по строкам вниз] – наполовину, здесь не совсем достигла, здесь еще меньше достигла, здесь еще меньше, здесь пока еще находится в зоне чего-то строго осуждаемого.

Эта иллюстрация ясно показывает, что такое разная степень продвижения от старого (зеленого), к новому (красному). Опять-таки, попробуйте это описать единым правилом для всего русского языка. Вы наталкиваетесь на живую шкалу. Совершенно ясно, что если вы будете рубить по живому и говорить: «Надо только так!», – вы вступите в противоречие с реальностью. Тем самым вы оказываетесь в ситуации, когда одним простым правилом описать, каково в русском языке ударение для глагола в прошедшем времени, вам не удастся. Придется признать, что есть два правила, которые находятся в состоянии войны друг с другом. Плохо – но ничего не поделаешь, такова реальность языка.

Пойдем дальше.

Древнее состояние	Современное состояние
женá — жены́, жена́мъ красотá — красоты́, красотáмъ стру́на — стру́ны, стру́намъ грозá — грóзы, грозáмъ	женá — жёны, жёнамъ красотá — красоты, красóтамъ струна́ — стру́ны, стру́намъ грозá — грóзы, грóзамъ
мо́ре — <i>по говорам моря и мо́ря</i> селó — <i>по говорам сёла и селá</i> дѣ́ло — дѣ́ла зе́рно — зёрна	мо́ре — моря́ селó — сёла дѣ́ло — дѣ́ла зерно́ — зёрна
дымъ, дýма — ды́мы, ды́мовъ дубъ, дýба — дубы́, дубóвъ	дымъ, дýма — дымы́, дымóвъ дубъ, дýба — дубы́, дубóвъ

Вам небольшое задание.

Познакомьтесь с этой таблицей. Это другая тема, но в общем в том же ключе, о котором я говорил. И здесь происходит точно такая же борьба старого с новым. Зеленое – это старое, красное – новое. А черное – это то, где не изменилось ничего. Смотрите, зеленое кое-где сменилось на красное. И вам предстоит решить задачу: можно ли каким-то образом обобщить все события изменения зеленого на красный?

Только, быстрые умы, пожалуйста, не выкрикивать. У кого уже есть идея – поднять руку, но не более того. Это настоящая лингвистическая задача, возможно, у вас больше времени уйдет. Тут представлены разные классы существительных: женский, средний и мужской род, и во всех случаях просто противопоставлено единственное число и множественное число.

Ну, никто больше рук не поднимает? А! Еще одна рука есть, хорошо... Еще чуть-чуть подождем.

Из зала: Ну, здесь нельзя выделить одно общее правило, все сразу распадается на несколько правил. Первое – это когда просто изначально было ударение на первый слог, а потом оно перешло на второй.

А.А. Зализняк: Но бывают же и обратные случаи, верно?

Из зала: Да. Еще существует случай, когда во множественном числе ударение падает на «ё». В таком случае ничего не изменяется.

А.А. Зализняк: Да. И это второе правило, но пока это Вы еще не всё покрыли.

Из зала: Ну, и бывает, что что-то не изменяется. То есть, *гроза́* – *гроза́*, *грозы́* – *грозы́*.

А.А. Зализняк: Но черным цветом специально показано, что ничего не менялось. Важно, где зеленый меняется на красный. И задача наша состоит в том, чтобы понять, какая тенденция стоит за сменой зеленого на красный во всех примерах этой таблицы? Ну, так что, как быть?

Из зала: У конца слова оказываются ударения разные...

А.А. Зализняк: Ну, это Вы первую строку так описываете. А скажем, вот для этой строки это не проходит.

Лев Козлов (студент I курса филол. ф-та МГУ, выпускник «Муми-тролля»): Они изменяются так, что во множественном числе ударение не такое, как в единственном.

А.А. Зализняк: Правильно, замечательно! Во всех случаях главное направление изменений состоит в том, чтобы после изменения единственное и множественное число были противопоставлены по ударению. До этого они могли быть не противопоставлены или не полностью противопоставлены, а после этого изменения – полное противопоставление единственного числа множественному. Вот, можете посмотреть, в правой колонке все примеры являют собой полное противопоставление единственного числа и множественного. А в левой колонке – нет.

Итак, в конечном счете ответ дан, и тем самым вы познакомились с еще одной движущей силой «порчи» старой системы. Вот перед вами старая система, в которой всё управляется плюсами и минусами. А в современном языке она явно сломана – там уже масса случаев, когда ударение ставится не так, как в старой системе. За счет чего? А за счет того, что победило новое правило, что множественное число должно иметь ударение противоположное единственному. Это некоторое дополнительное средство для различения чисел: мало того, что там окончания другие, но есть еще отдельное сильное средство, что они отличаются ударением. *Женá*, но *жéны*, *красотá*, но *красóты*, *струнá*, но *стру́ны*, *грозá*, но *грóзы*.

Ну, *грóзы*-то и раньше были, но там раньше было *грозáм* и т.д., а ныне стало *грóзы*, *грóзам*. *Грозá* – в единственном числе, *грóзы*, *грóзам* – во всем множественном.

Мóре, но *моря́*; *селó*, но, наоборот, – *сéла*; *дéло*, но *делá*; *зернó*, но *зёрна*. И так далее.

Из зала: Почему в словах *зернó* и *зёрна* изменилось не множественное число, а единственное?

А.А. Зализняк: Согласен с Вами, правильный вопрос. Это из тех вещей, на которые простого ответа нет. Почему индивидуальное слово ведет себя не так, как его сосед? Увы, мы не знаем. Наверное, отчасти играло роль то, как часто употребляется множественное число и единственное число. Чаще, скорее, «зёрна», Конечно, слово *зёрна* чаще употребляется, а слово *зерно* – реже... Думаю, что дело в этом. Но Вы совершенно правы, что это из тех вопросов, на которые трудно ответить.

Итак, это иллюстрация еще одной тенденции, которая привела к новому распределению ударения. Оно тоже не стопроцентное, я выбрал хорошие примеры, а есть и другие случаи. Но тенденция налицо.

На этом можно остановиться; а можно, если хотите, еще одну картинку посмотреть.

Из зала: Еще!.. Стойте, я хотел задать вопросы! Еще!

А.А. Зализняк: Ладно, задачу какую-нибудь.

Невозможно	Норма	Неправ.	В говорах
	сиди́шь, стои́шь, лежи́шь, бежи́шь, дрожи́шь, спеши́шь, грусти́шь, угоди́шь, кричи́шь, молчи́шь, ворчи́шь		
учи́шь, вари́шь, буди́шь, лови́шь, держи́шь, терпи́шь, пусти́шь, измени́шь, посади́шь, положи́шь	у́чишь, ва́ришь, бу́дишь, ло́вишь, де́ржишь, те́рпишь, пу́стишь, изме́нишь, поса́дишь, поло́жишь		
	включи́шь, долби́шь	вкля́чишь, до́лбишь	
	расти́шь, роди́шь		ро́стишь, ро́дишь

Так, на этот раз перед вами глаголы на *-ить*, зеленые и красные. Смотрите, что случилось. Большое количество глаголов на *-ить* осталось в «зеленом» виде. Большое количество глаголов на *-ить* перешло и в «красный»

вид. Задача состоит в том, чтобы понять, когда «зеленый» вид оставался, а когда менялся и переходил в «красный».

Но это непростая вещь, надо подумать.

Глаголы типа *учишь* – их много, я далеко не все сюда включил – изменили ударение за последние примерно триста лет.

Валерий Бажибин (9 класс): Тут вот – *собираешь* что-то, а *стоишь* сам.

А.А. Зализняк: Правильно, правильно, Вы на правильном пути! Осталось только назвать эту разницу обычными лингвистическими терминами. Пожалуйста, что это будет?

Из зала: Возвратные...

Из другой части зала: Да нет, переходные это глаголы и непереходные!..

А.А. Зализняк: Да! Значит, какая разница? Еще раз давайте, теперь уже мы все знаем. Вот этот класс каких глаголов?

Из зала: Переходные!

А.А. Зализняк: А этот?

Из зала: Непереходные!

А.А. Зализняк: Правильно, вот это и есть решение задачи.

Ну, вот, пожалуй, больше я не буду вас задачами озадачивать, хотя у меня есть и другие, но это далеко нас уведет. Будем считать, что вы успешно с этим справились. Всё!

(Аплодисменты)

А.А. Зализняк: Я не так давно читал лекцию на программе «Академия», которая идет по каналу «Культура», – на немножко похожую, кстати, тему. Там передо мной тоже сидели слушатели, хотя их было не так много, как вас. И они безумно долго хлопали. Неслыханно долго. Но, к счастью, любезные организаторы меня предупредили: «Вы только не принимайте, пожалуйста, это на счет того, что они так хотят Вас почтить. Это им приказано хлопать до тех пор, пока оператор не даст сигнал, что всем можно сесть».

Пожалуйста, задавайте вопросы.

Из зала: Там у нас было слово *начался*. Есть *начался*, а есть *начался́*. *Ся* – это сильная морфема?

А.А. Зализняк: Конечно! *Ся* – это плюсовая единица; поэтому было, например, *проговори́л*, но *проговори́лся́*.

Ныне почти во всех таких формах установилось новое ударение на *-и-*: *проговори́л*, *проговори́лся́* и т.п. Точно так же вместо *пусти́л* – *пусти́ла́*, *доложи́л* – *доложи́ла́* (где плюсовым было *а*) ныне уже мы имеем *пусти́л* – *пусти́ла*, *доложи́л* – *доложи́ла*. Но осталось исключение: *роди́л* – *роди́ла́*.

Из зала: А обязательно ли в конце концов всё придет к новому правилу? Или возможны варианты, когда в какой-то момент процесс остановится или пойдет обратно?

А.А. Зализняк: Да, это трудный вопрос, согласен с Вами. Как вам сказать... То, что было в прошлом, – мы кое-как можем восстановить, хорошо ли, плохо ли, по письменным памятникам. То, что будет в ближайшие века, – вы сами понимаете, к какой зоне человеческого знания это может относиться.

Какие произойдут новые события и какие будут новые способы жизни, при которых то ли будут продолжаться старые изменения языка, то ли вторгнется что-то новое?.. Сказать гарантированно, конечно, нельзя. Если судить по тому, что мы видим сейчас, то русский язык движется к не совсем простой системе, даже и в будущем.

Но на часть Вашего вопроса я могу ответить решительно: возврата не будет. Возвратного движения не бывает. Может приостановиться, затормозиться какими-нибудь общественными причинами. Язык живет в обществе, может быть что-то такое новое: например, какие-нибудь миграции большого количества населения из одного места в другое, смена социального состава людей, живущих в городах. То, что во время революций происходит. Вот такие вещи могут влиять. И их, конечно, предсказать невозможно.

Так что движение продолжится, но скорее всего оно будет не таким интенсивным, как в прошлые века, а более медленным. Потому что сейчас оно сильно заторможено литературным языком и письменностью. В средние века

все эти процессы происходили гораздо свободнее, поскольку контроль и нормативность были меньше.

Но и с этой точки зрения мы не все можем предсказать. Например, сейчас мы, безусловно, переживаем некоторый период – довольно короткий с точки зрения истории языка, всего лет двадцать-тридцать – уменьшения силы нормы. Это прекрасно видно по тому, как вы говорите и как пишете в Интернете. Еще сорок лет назад невозможно было предсказать, что такое может случиться. Потому что казалось, что норма должна непрерывно укрепляться.

Так что вопрос Ваш из тех, на которые надежного ответа пока что мы не знаем.

Еще вопросы?

Из зала: В Швеции, на границе существует город *Шлиссельбург*, и у него ударение на *-бург* вроде...

А.А. Зализняк: *Шлиссельбур́г* – правильно. По-немецки он, конечно *Шлiссельбург*, но по-русски все подобные трехсложные названия будут иметь ударение на последнем слоге: *Шлиссельбур́г*, *Бранденбур́г*, *Люксембур́г*, *Вюртембéрг*.

Тот же слушатель: А *глобальный* – от слова *глобус*? *Глоб-ус*, *глоб-альный*.

А.А. Зализняк: Правильно. Суффикс *-альн-ый* всегда, совершенно независимо от всего остального имеет на себе ударение. Он относится к такой категории, которая как раз характеризует новую систему, где вообще бывают суффиксы, всегда несущие на себе ударение. *-Альн-ый* из их числа.

Тот же слушатель: Но это значит, что *-ус* в слове *глобус* – сейчас уже суффикс?..

А.А. Зализняк: Да, согласен, Ваше рассуждение правильное. *-Ус* в слове *глобус* может быть выделено, потому что есть *глобальный*. Правильно.

Тот же слушатель: Спасибо!

А.А. Зализняк: Так, пожалуйста. Давайте.

Из зала: Я, может быть, прослушала, но, с чем связан плюс или минус различных морфем? Есть какое-то правило или это нужно запоминать?

А.А. Зализняк: Правильный вопрос! Я, действительно, об этом сказал, но я рад, что мы еще раз на этом сосредоточимся. Правильный вопрос.

Понимаете, морфема состоит из скольких-то фонем. Допустим, *мак* – «м», «а», «к». Можно ли дать правило, по которому у слова будет фонема «м» в составе или нет? Понимаете, что нет. Вы просто представляете себе дело так, что морфема состоит из трех фонем А на самом деле ее полная лингвистическая характеристика состоит в том, что она имеет четыре единицы: «м», «а», «к» – на уровне звуков – и плюс на уровне ударения. Но плюс совершенно такого же статуса, как, скажем, то, что там «м», а не «з», и не «г», и не «р». Так что Вы правы, по сути дела это означает, что да, на самом деле надо запоминать.

Из зала: Спасибо!

А.А. Зализняк: Еще руки...

Из зала: А если мы придем к какому-то единому правилу, то может ли начаться другой новый процесс.

А.А. Зализняк: То есть еще через каких-нибудь три тысячи лет. Это звучит страшновато, но таковы хронологические масштабы в истории языков.

Из зала: Если я правильно понимаю, в русском языке только одно ударение в слове?

А.А. Зализняк: Полноценное – одно.

Из зала: Потому что, если брать длинные слова, какие-нибудь названия химических соединений, то там их несколько. Или, например, *перекати-поле*...

А.А. Зализняк: Да, Вы правы. Для таких слов приходится признать, что у них более одного ударения. Но это явление исключительное и отчасти искусственное, не стоит его доводить до уровня характеристики языка.

А *перекати́-по́ле*, действительно, обозначают двумя ударениями в словарях. Однако вопрос в том, являются ли эти ударения одинаковыми. Никто не сомневается, что в русском языке есть понятие второстепенного ударения, которое несколько слабее, чем сильное. *Перекати́-по́ле* так и будет

обозначаться в словарях – с ударением чуть более слабым в *перекати*, чем в *по́ле*. В русском языке действует правило, что первое ударение слабее, а второе сильнее.

Из зала: И всегда одно главное, да?

А.А. Зализняк: Для реальных слов, а не для химических терминов. Такие термины существуют, и в них действует, конечно, специальный вид реализации возможностей языка. Но не надо говорить, что это свойство всего русского языка.

Из зала: Спасибо.

(Аплодисменты).